

Оператор смотрел на труп Сяо Чэня, истерично плача и смеясь одновременно. Он со всей силы ударил кулаком по кузову машины.

— Мы вообще выберемся отсюда живыми?! — закричал он. — Неужели никто снаружи до сих пор не понял, что мы застряли? Почему нас никто не спасает?!

Юй Аньянь стоял под морозящим дождём, выпрямившись во весь рост. Его бледные губы были плотно сжаты.

Нань Цзин бросил мимолётный взгляд в сторону деревни. Сквозь полупрозрачную дымку тумана брезжила тусклая искорка света, до боли напоминавшая огонёк той самой красной свечи, с которой староста встречал их в первый день. Нань Цзин отвернулся и вновь опустил взгляд, сосредоточенно изучая обнажённую плоть на груди Сяо Чэня, откуда содрали кожу. В его глазах читалось глубокое раздумье.

Но если в самой Деревне Одинокого Дракона лишь слегка моросило, то всего в нескольких километрах от неё небо разверзлось неистовым ливнем. Перед последним участком извилистого горного серпантина, ведущего к деревне, стояли несколько человек.

Чуть поодаль дорогу полностью перегородила огромная груда земли и поваленных скальных обломков — оползень наглухо заблокировал единственный путь. А потоки яростного ливня продолжали размывать и без того опасный, сползающий склон горы.

Помощник режиссёра, укутанный в брезентовый дождевик, отчаянно кричал в телефонную трубку, пытаясь перекрыть гул стихии:

— Режиссёр Юй Аньянь забрал четверых и ушёл в деревню! С тех пор от них ни слуху ни духу! Они пропали уже как сутки! Скорее всего, стряслась беда! Но тут всё завалило, мы не можем проехать! Нужно срочно что-то придумать, как туда пробраться!

Голос оператора на том конце провода звучал виновато и растерянно:

— Ваше обращение принято, но из-за масштабного оползня спасатели и полиция сейчас бессильны. Пробраться сквозь завал невозможно. Придётся ждать, пока обстановка стабилизируется.

Помощник режиссёра с трудом подавил вспышку паники и заставил себя говорить спокойнее:

— Сколько примерно времени это займёт, судя по прошлому опыту?

В трубке зашуршало, слышались чьи-то неразборчивые выкрики, и наконец диспетчер выдал:

— От трёх до пяти дней. Всё зависит от погоды.

Повесив трубку, помощник режиссёра в сильном волнении взъерошил свои изрядно поредевшие волосы и повернулся к стоявшему рядом рабочему сцены:

— Вы сообщили семье Юй, что режиссёр Юй заблокирован в горах и не выходит на связь? Что они ответили?

— Сообщили, — отозвался тот с каким-то диким, растерянным выражением лица. — В семье Юй сказали, что уже принимают меры и ищут людей.

— И кого же? — нахмурился помощник.

— Судя по всему... — рабочий замялся. — Они собираются нанять Небесного мастера, чтобы во всём разобраться.

Помощник режиссёра аж нервно расхохотался от нелепости услышанного:

— Какого, к чёрту, Небесного мастера?! У них там в семье Юй у всех мозги набекрень, что ли? В какой век мы живём?!

Хайши

Тем временем в Хайши глава семейства Юй, почтенный Юй Хун, над чьим решением так потешался помощник режиссёра, в строгом деловом костюме стоял перед изящным особняком. Юй Хун был мужчиной представительным, высоким, с густыми бровями и глубоко посаженными глазами. Несмотря на то что возраст уже наложил свой отпечаток на его лицо, в нём без труда угадывались черты былой мужской красоты. На его запястье покоились чётки-оберег, палец украшал массивный золотой перстень с изумрудом и выгравированными даосскими письменами, а на груди под рубашкой скрывался нефритовый амулет.

Юй Хун нервно перебирал чётки левой рукой, не сводя встревоженного взгляда с белых стен двухэтажного здания, и с замиранием сердца ждал ответа от хозяина дома.

Этот изысканный особняк в европейском стиле, с молочно-белыми стенами и контрастными чёрными оконными рамами, прятался в самом сердце бурлящего мегаполиса. За последнее столетие у него сменилось лишь три владельца, и каждый из них принадлежал к высшему обществу. Дом утопал в цветах, а его близость к набережной взвинчивала и без того баснословную стоимость земли до небес. Жить в таком месте само по себе считалось бесспорным признаком колоссального влияния.

Сейчас владельцем этой усадьбы являлся Дун Сюмин — человек, чьё имя из года в год мелькало в списках Forbes. Большинство знало его исключительно как выдающегося предпринимателя, держателя контрольных пакетов акций множества транснациональных корпораций. Однако мало кому была известна его вторая, истинная ипостась.

Дун Сюмин был Небесным мастером.

Причём не простым, а глубоко почитаемым главой одной из древнейших фракций даосского учения.

Хотя загадочный затворник, вручивший Юй Хуну сине-чёрный кувшин, предупреждал, что поездка сына на юг окончится бедой и остаётся лишь уповать на волю небес, Юй Хун всё равно места себе не находил от беспокойства.

Видя его отчаяние, тот самый мастер и подсказал обратиться к Дун Сюмину, обмолвившись, что сине-чёрный кувшин изначально принадлежал семье Дун. Он посоветовал Юй Хуну попытать счастья там.

Юй Хун приехал, привезя с собой карту судьбы — «восемь иероглифов» Юй Аньяня — и его личную вещь, которой тот часто пользовался. Посулив баснословную выгоду и влияние, он умолял лишь об одной аудиенции с главой дома. После долгих уговоров дворецкий семьи Дун смиловатился, благосклонно кивнул и унёс листок с датой рождения хозяину.

И вот теперь великий бытовой магнат, лидер индустрии домашней техники, смиренно ждал ответа, стоя посреди ухоженного сада.

Солнце нещадно палило. Сердце Юй Хуна разрывалось от тревоги, и он то и дело утирал пот со лба шёлковым платком.

Минуло около десяти минут, прежде чем тяжёлая дверь особняка вновь приоткрылась. Дворецкий так и не впустил гостя внутрь, лишь с холодным высокомерием протянул ему сложенный листок дорогой бумаги с золотым напылением.

Юй Хун рассыпался в благодарностях, дрожащими руками развернул послание прямо под палящими лучами солнца.

На бумаге уверенным, властным взмахом кисти был начертан единственный иероглиф.

«Ждать».

Юй Хун тяжело, со свистом выдохнул. Напряжённые мышцы его лица выдавали бурю, бушевавшую в душе. Несколько минут он простоял неподвижно, глядя в землю, а затем, опираясь на руку подошедшего помощника, медленно побрёл к выходу из сада.

Оставалось только ждать. Надеяться, что его любимый старший сын, его гордость, Юй Аньянь, вернётся из этого кошмара живым.

На втором этаже особняка, за широким эркерным окном в тёмной раме, двое мужчин приоткрыли тяжёлую портьеру, наблюдая за уходящим Юй Хуном.

Мужчина средних лет с глубокой вертикальной морщиной между бровей негромко спросил своего спутника:

— Точно подтвердилось, что у мальчишки из семьи Юй есть скрытый статус в Системе?

Второй мужчина, коренастый, с уродливым шрамом, тянувшимся из-за уха по всей левой щеке, хмуρο и злобно процедил:

— Абсолютно точно. Об этом пока никто не знает. Главное, чтобы его не перехватил кто-то другой, или... чтобы его просто не разорвали на части тамошние твари.

— Как любопытно, — на ухоженном лице мужчины в дорогом, сшитом на заказ костюме заиграла предвкушающая улыбка. — Этот Юй Аньянь... Мало того что у него судьба девственного отрока и при этом редчайший дар, так теперь ещё и скрытый статус. Какая ирония судьбы. Поистине лакомый кусочек. Жаль только, что этот одарённый мальчик сейчас застрял в Деревне Одинокого Дракона — в месте, откуда не возвращаются. Интересно, какая из фракций первой обнаружит его тайну и приберёт к рукам?

Ма Да опасно сузил глаза:

— Если мы не сможем забрать его для нашей семьи Дун, я лично позабочусь о том, чтобы стереть его в порошок. Никому не позволю его получить. Кстати, мои люди навели справки. Вместе с ним в деревню увязался некий Нань Цзин. Похоже, он немного смыслит в нашем ремесле. Может, стоит его...

Мужчина со шрамом красноречиво провёл ребром ладони по горлу.

Дун Сюмин пренебрежительно отмахнулся:

— Обычный оборванец, выродок, которого подобрал старик на помойке. Между ним и великими фракциями — непреодолимая пропасть. Откуда у него взяться настоящему мастерству? В Деревне Одинокого Дракона, кишасей злыми духами, выжить — уже чудо. Да и вообще, выберется ли сам Юй Аньянь оттуда живым, ещё большой вопрос. Вернёмся к этому позже.

— Ваша правда. Но кто бы в итоге ни покусился на Юй Аньяня, — Ма Да жестоко оскалился, — я костями лягу, но придушу ублюдка и заберу парня себе. С его силой первое место на

грядущем Турнире фракций семье Дун обеспечено.

Дун Сюмин едва заметно шевельнул суровыми губами и глухо произнёс:

— Будем надеяться.

Он устремил задумчивый взгляд на юг — туда, где среди туманов высилась гора Одинокого Дракона.

Деревня Одинокого Дракона

Ветер неистово шумел в кронах деревьев, росших на склонах гор. Тёмная, почти чёрная зелень леса на фоне свинцового неба давила на психику, создавая удушающую атмосферу первобытного ужаса. Оператор и Ли Ифэй стояли ни живы ни мертвы, не в силах отвести взгляд от изуродованного тела Сяо Чэня. Их лица сделались землисто-серыми.

Юй Аньянь молча затянулся тонкой ментоловой сигаретой.

Ирония судьбы: он снимал фильм ужасов, мистический триллер, но когда кошмар сошёл с экранов в реальность... этот первобытный, сковывающий конечности ужас не шёл ни в какое сравнение с выдуманными кинокадрами.

Стараясь больше не смотреть на труп, Юй Аньянь обошёл машину и распахнул дверцу со стороны пассажирского сиденья. Он достал из бардачка пять питательных батончиков, которые прихватил с собой. Когда его длинные, изящные пальцы коснулись обёртки, он на мгновение замер.

В кармане двери лежали две папки формата А4. Одна — режиссёрский сценарий, который он листал в дороге, а вторая — собранные им архивные материалы о Деревне Одинокого Дракона.

Помедлив, Юй Аньянь вытащил папку с документами о деревне и спрятал её в рюкзак. Но едва он собрался открыть её, как тишину разорвал истошный крик Ли Ифэя:

— Нань Цзин! Твою мать, ты что, замороженный стоишь над этим трупом?! Ну и извращенец!

Юй Аньянь слегка приподнял бровь и, закинув рюкзак на плечо, направился к багажнику.

Нань Цзин по-прежнему стоял у распахнутого кузова, чуть наклонив голову и внимательно изучая мёртвого ассистента. Что удивило режиссёра, так это абсолютное, почти

неестественное хладнокровие на лице юноши. Даже опытные следователи убойного отдела порой бледнеют при виде подобного, а Нань Цзину было всего девятнадцать...

Режиссёр сквозь пелену ментолового дыма прищурился, разглядывая своего спутника. Это не было простой стойкостью духа — скорее, Нань Цзин демонстрировал странную, пугающую привычку к подобной чертовщине. Словно сталкиваться с запредельным ужасом для него было обычным делом.

Впрочем, в их положении подобное хладнокровие давало отличный шанс прожить дольше.

В полумраке надвигающейся бури кожа Нань Цзина казалась алебастрово-белой, будто подсвеченной изнутри. Он полностью проигнорировал истерику Ли Ифэя, даже не удостоив его ответом. Юноша сосредоточенно всматривался в багровую рану на груди Сяо Чэня, не отрывая взгляда уже добрых пять минут.

Юй Аньянь потушил сигарету о борт машины и протянул Нань Цзину питательный батончик.

— Что там? — тихо спросил он, кивнув на тело. — Нашёл что-то странное?

Нань Цзин принял батончик, надкусил его и словно очнулся от оцепенения. Указав пальцем на содранную кожу, он задумчиво произнёс:

— Один мой близкий человек разбирался в подобных вещах. В его записях я читал о ритуальном снятии кожи. Считается, что если человек совершил тяжкие грехи при жизни, в загробном мире его ждёт кара — с него сдирают кожу. Оставшихся без оболочки неприкаянных духов называют кожаными призраками. И они ищут способ вернуться, сдирая кожу с живых, чтобы завладеть их телом.

Юй Аньянь на мгновение замер. Тонкий аромат ментола всё ещё витал в воздухе.

— Завладеть телом? — переспросил он со своим обычным холодным спокойствием, в котором, однако, промелькнула едва заметная тень усталости.

— Именно. Чтобы вселиться в человека, кожаному призраку нужно содрать кожу с верхней части тела, ближе к голове. Самый быстрый путь — лицо, но многие из них хотят сохранить облик жертвы нетронутым, чтобы сойти за живых в мире людей. Поэтому они выбирают шею или грудь.

Точно так же, как сейчас у Сяо Чэня.

Юй Аньянь прикрыл глаза.

— Значит, если они доберутся до нас и содрут кожу... они займут наши места?

— В записях говорилось, что это нерушимый закон подземного мира, — кивнул Нань Цзин. — Он действует на всех смертных без исключения.

Услышав этот леденящий душу диалог, забившиеся в угол оператор и Ли Ифэй побледнели ещё сильнее. Оператор судорожно сжал руками собственную грудную клетку, тяжело дыша и съёжившись от ужаса.

Разговор оборвался. В наступившей мёртвой тишине из глубины тумана донёлся резкий, заунывный звук суоны. Скрипучий, запредельно тоскливый мотив мгновенно заставил кожу покрыться мурашками.

Нань Цзин резко повернулся на звук. Сквозь редющую дымку к ним медленно приближалась вереница тёмных силуэтов.

Впереди шёл староста деревни. На нём была застёгнутая под самое горло белоснежная рубаха свободного кроя и глухие чёрные штаны. В руках он бережно нёс ту самую горящую красную свечу, пламя которой не колебалось вопреки ветру.

Пожилой мужчина остановился и обвёл присутствующих мертвенным взглядом.

— Ритуал жертвоприношения вот-вот начнётся, — проскрежетал он. — Ваша попытка сбежать оскорбит божество и навлечёт проклятие на наши земли. Возвращайтесь в деревню.

Возвращаться? Туда, где только что зверски замучили Сяо Чэня, содрав с него кожу? Было очевидно: стоит им сделать шаг назад, и следующим экспонатом в этой анатомической выставке станет кто-то из них.

Ли Ифэй открыл было рот, чтобы возразить, но под леденящим взглядом старосты подавился словами и лишь испуганно сжался.

Староста пристально разглядывал чужаков одного за другим. За его спиной замерла толпа безмолвных жителей. В руках у одних были зажаты суоны, другие держали корзины, наполненные цветами из красной бумаги. Все они смотрели на четверых выживших пустыми, плотоядными глазами.

Нань Цзин нахмурился. Он заметил, что шея старосты начала покрываться густой россыпью чёрных трупных пятен. Сердце юноши пропустило удар: точно такие же отметины были у того жуткого существа, которое утащило Сяо Чэня в кусты на записи с камеры.

Староста вдруг растянул губы в безобразной, застывшей улыбке:

— Чужаки... Раз уж вы ступили на землю Деревни Одинокого Дракона, извольте подчиняться нашим законам. Пока ритуал не завершён и божество не приняло дар, никто не покинет этих мест!

Нань Цзин уцепился за ключевое слово:

— Дар? Жертва?

— Именно, — тусклые, подёрнутые катарактой глаза старосты резко сфокусировались на Нань Цзине. Кожа на его старческом лице собралась в глубокие, неестественные складки, а голос зазвучал с безумным фанатичным трепетом: — Нашему богу нужна жертва. И среди вас четверых есть тот, кого божество уже избрало своей невестой!

Нань Цзин инстинктивно попытался сделать шаг назад, но не успел. Что-то невероятно холодное, склизкое и тяжёлое мёртвой хваткой вцепилось в его щиколотку.

В нос ударил удушливый, концентрированный запах гниющей плоти и застарелой крови. Окружающий туман мгновенно сгустился, превратившись в плотную молочную завесу. Ледяные пальцы, похожие на стальные тиски, сжали ногу юноши и медленно поползли вверх, к голени.

Нань Цзин вздрогнул. Холод был настолько лютым, что казалось, кости сейчас превратятся в лёд.

— А-а-а-а! — истошно завопил рухнувший в грязь Ли Ифэй. Он отчаянно брыкался, пытаясь высвободить ногу из невидимого захвата. — Что это?! Что вы делаете, твари?! Отпустите меня!

— Кричать во время выбора невесты?! — лицо старосты исказилось яростью, а голос сорвался на визг. — Нарушение священного порядка! Наказать смутьяна! По губам его!

Один из дюжих деревенских мужиков мгновенно шагнул вперёд. Его огромная, мозолистая ладонь, похожая на лопату, с размаху обрушилась на лицо Ли Ифэя. Два оглушительных удара — и щёки несчастного превратились в кровавое месиво. Из лопнувшей кожи брызнула кровь. Крестьянин, нанёсший удар, заворожённо уставился на алую жидкость и медленно, с вождением облизал губы широким серым языком.

Нань Цзин, оценив обстановку, заставил себя замереть. Против толпы безумных тварей грубая сила бесполезна, к тому же ледяные тиски на его ноге сжимались всё сильнее при малейшей попытке дёрнуться.

Староста медленно обвёл взглядом оставшихся троих, словно сверяя их с каким-то невидимым образом. Наконец его взор остановился на Нань Цзине. Губы старика разошлись в хищном оскале, обнажая потемневшие дёсны.

— Невеста определена! — торжествующе прохрипел он. — Сваха, неси свадебный наряд!

Из густого тумана, мелкими шажками покачиваясь на крошечных, изувеченных бинтованием ступнях, обутых в расшитые туфельки, вышла пожилая женщина. Её щёки были густо, до абсурда ярко накрашены румянами, создавая сходство с погребальной куклой. На ней была грубая красная рубаха из дешёвой холстины.

Женщина бережно, словно величайшую драгоценность, несла перед собой сложенное ярко-алое одеяние. На её застывшем лице блуждала жуткая, неестественная улыбка.

— Час пробил, — пропела она тонким, дребезжащим голосом. — Пусть невеста примерит под венец своё платье.

Когда Сваха подняла руки, представляя наряд, Нань Цзин похолодел.

Одеяние было сложено с безупречной аккуратностью. Сверху лежал праздничный кафтан с высоким воротником-стойкой и невероятно широкими рукавами. На парче серебряными нитями красовались изящные узоры в виде кругов.

Это было то самое платье, которое висело в его комнате. Один в один.

Староста облизнул сухие, лишённые жизни губы и уставился на Нань Цзина безумным, жаждающим взглядом.

— Одеть его в свадебный наряд! — скомандовал он, резко взмахнув рукой. — Остальных — в темницу!

<http://bllate.org/book/19041/1917725>